

**Конвенция о ликвидации
всех форм дискриминации
в отношении женщин**

Distr.: General
26 August 2020
Russian
Original: English

**Комитет по ликвидации дискриминации
в отношении женщин**

**Мнения в отношении сообщения № 105/2016,
принятые Комитетом в соответствии с пунктом 3
статьи 7 Факультативного протокола^{*,**,***}**

<i>Сообщение представлено:</i>	Организация «Промо-лекс»
<i>Предполагаемая жертва:</i>	В.С. (покойная)
<i>Государство-участник:</i>	Республика Молдова
<i>Дата сообщения:</i>	20 июля 2016 года (первоначальное представление)
<i>Справочная информация:</i>	препровождена государству-участнику 24 февраля 2016 года (в виде документа не издавалась)
<i>Дата принятия мнений:</i>	9 июля 2020 года
<i>Тема сообщения:</i>	Гендерное насилие и непредоставление средств правовой защиты
<i>Процедурные вопросы:</i>	Согласие автора
<i>Вопросы существа:</i>	насильственная смерть автора от рук ее мужа и отсутствие эффективных средств правовой защиты
<i>Статьи Конвенции:</i>	1 и 2 а), с), е) и f)
<i>Статья Факультативного протокола:</i>	2

* Принято Комитетом на его семьдесят шестой сессии (29 июня — 9 июля 2020 года).

** В рассмотрении данного сообщения участвовали следующие члены Комитета: Гладис Акоста Варгас, Хироко Акидзуки, Тамадер ар-Раммах, Николь Амелин, Гуннар Бергбю, Марион Бетел, Луиза Шалаль, Эстер Эгобамьен-Мшелия, Наэла Мохамед Габр, Хилари Гбедема, Нахла Хайдар, Даля Лейнарте, Росарио Г. Манало, Лия Надарая, Аиша Валь Верж, Хилари Гбедема, Даля Лейнарте, Росарио Г. Манало, Лия Надарая, Аруна Деви Нараин, Ана Пелаэс Нарваэс, Бандана Рана, Рода Реддок, Эльгюн Сафаров, Вэньян Сун, Геновева Тишева и Франселин Тоэ-Буда.

*** Совместное мнение (несогласное), подписанное Хироко Акидзуки, Гуннаром Бергбю, Марион Бетел, Лией Надарай, Аруной Деви Нараин, Банданой Раной и Вэньян Сун, прилагается к настоящему документу.

История вопроса

1. Автором сообщения является организация «Промо-лекс», действующая с согласия П., исполнителя завещания В.С.¹. Она утверждает, что Республика Молдова нарушила права В.С., скончавшейся гражданки Молдовы 1961 года рождения, в соответствии со статьей 2 а), с), е) и f), рассматриваемой в совокупности со статьей 1 Конвенции. Конвенция и Факультативный протокол к ней вступили в силу для Республики Молдова 31 июля 1994 года и 28 мая 2006 года, соответственно.

Факты в изложении автора сообщения

2.1 В 2008 году В.С. вышла замуж за С. У них не было детей, и они жили в Кишиневе в маленькой квартире, принадлежащей В.С., у которой не было ни близких, ни дальних родственников² и которая, будучи женщиной-инвалидом³, в значительной степени зависела от мужа.

2.2 В 2013 году отношения В.С. с мужем ухудшились, и в этот период она регулярно подвергалась семейно-бытовому насилию и изоляции. Муж применял в отношении жены силу и избивал ее, таскал за волосы и бросал в нее предметы. Он регулярно запрещал ей выходить из квартиры и разговаривать с соседями. Она также подвергалась словесным и эмоциональным оскорблениям. Такое поведение мужа в основном было вызвано чрезмерным потреблением алкоголя и «спровоцировано» нежеланием жены покупать ему этот алкоголь.

2.3 В период с декабря 2013 года по январь 2014 года В.С. сделала пять звонков в службу экстренной помощи полиции и отдельному полицейскому, ответственному за ее район, Д.П., чтобы сообщить о жестоком обращении, которому она подвергалась со стороны мужа. Ее соседи также вызывали полицию от ее имени.

2.4 Д.П. регулярно посещал квартиру этой пары и обсуждал насилие, к которому прибегал С. В этих случаях С. получал только устные предупреждения относительно своего «неприемлемого поведения». Ни разу в 2013 году полиция не приняла никаких имевшихся в ее распоряжении мер защиты в пользу В.С. Полиция не предложила ей никакой защиты и не сообщила ей о ее праве на возбуждение дела с целью получения судебного защитного предписания.

2.5 9 января 2014 года В.С. вызвала полицию, чтобы сообщить о физическом и психологическом насилии, совершенном ее мужем, в сочетании с продолжающимся злоупотреблением им алкоголем. В квартиру были направлены полицейские, и С. был обвинен в мелком хулиганстве по статье 354 Кодекса о правонарушениях Республики Молдова. Он признал свою вину и получил штраф в 200 леев (что эквивалентно примерно 15 долл. США)⁴. Вместе с тем в обвинении не была отражена вся серьезность жалобы или злоупотребления, от

¹ «Промо-лекс» — неправительственная организация, целью которой является продвижение демократии в Республике Молдова путем поощрения и защиты прав человека и мониторинга демократических процессов.

² В.С. была удочерена и не знала своих биологических родителей; ее приемные родители умерли, и у нее не было ни братьев, ни сестер, ни других близких родственников.

³ Дополнительной информации не предоставлено.

⁴ В докладе полиции говорится, что С. совершил нападение после употребления чрезмерного количества алкоголя.

которых страдала В.С.⁵ Как представляется, вопрос о том, мог ли или должен ли С. быть привлечен к ответственности в соответствии с положениями Уголовного кодекса, касающимися конкретно преступлений, связанных с семейно-бытовым насилием, вообще не рассматривался. После нападения 9 января 2014 года В.С. переехала к соседке П., поскольку боялась оставаться в своей собственной квартире из-за угроз со стороны мужа.

2.6 10 января 2014 года С. получил письменное предупреждение и был зарегистрирован в кишинёвской базе в качестве «семейного агрессора», а также с целью предупреждения дальнейшего насилия в отношении В.С. был составлен «индивидуальный план по предупреждению семейно-бытового насилия». В плане содержалось шесть пунктов действий. Вместе с тем нет никаких свидетельств того, что для осуществления этих пунктов действий или принятия последующих мер были приняты какие-либо практические меры; В.С. также не были предоставлены услуги по защите или поддержке.

2.7 14 января 2014 года В.С. инициировала бракоразводный процесс.

2.8 19 января 2014 года В.С. вернулась в свою квартиру и сказала мужу, что собирается с ним развестись, и попросила его съехать. В тот же день, после ссоры, С. напал на В.С. с кухонным топором, нанеся ей многочисленные удары по голове. Она немедленно потеряла сознание. Услышав громкие звуки, доносящиеся из их квартиры, П. позвонила в полицию. По прибытии сотрудники полиции обнаружили дверь открытой, а В.С. — лежащей на земле в луже крови. Из-за нападения В.С. осталась парализованной и испытывала трудности с речью. 20 января 2014 года С. был задержан. 16 сентября 2014 года В.С. умерла от осложнений, вызванных ее травмами⁶.

2.9 30 декабря 2015 года С. был осужден за убийство своей жены Центральным районным судом Кишинева. В настоящее время он отбывает восьмилетний срок тюремного заключения. Это судебное решение было поддержано Апелляционной палатой Кишинева. Автор утверждает, что вынесенный С. обвинительный приговор недостаточен для того, чтобы исключить ответственность государства-участника за действия или бездействие, имевшие место в период до смерти В.С., включая совершение неоднократных и серьезных актов гендерного насилия в бытовых условиях⁷.

Правовой статус организации «Промо-лекс»

2.10 Автор отмечает, что, согласно статье 2 Факультативного протокола сообщения могут направляться лицами или от имени отдельных лиц, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения какого-либо из прав, изложенных в Конвенции. Автор утверждает, что представление организацией «Промо-лекс» настоящего сообщения от имени В.С., которая, будучи покойной, не может дать своего согласия, является оправданным и целесообразным.

⁵ Автор ссылается на дело Европейского суда по правам человека *К.Н. против Соединенного Королевства*, заявление № 4239/08, постановление от 13 ноября 2012 года, пункты 70 и 76–77, и дело *М.К. против Болгарии*, заявление № 39272/98, постановление от 4 декабря 2003 года, пункт 179.

⁶ Автор предоставляет свидетельство о смерти.

⁷ Автор ссылается на дело *Венский кризисный центр по борьбе с бытовым насилием и Ассоциация за доступ женщин к правосудию от имени Гёкче и других против Австрии (CEDAW/C/39/D/5/2005)*, пункт 12.1.6, и дело *Венский центр защиты от бытового насилия и Ассоциация за предоставление женщинам доступа к средствам правовой защиты от имени Акбак и других против Австрии (CEDAW/C/39/D/6/2005)*, пункт 12.1.6.

В бракоразводном процессе интересы В.С. представлял адвокат С., работающий с организацией «Промо-лекс». Поскольку В.С. была сиротой, не имевшей никаких оставшихся в живых членов биологической или приемной семьи и детей, нет ни одного ближайшего родственника, к которому автор мог бы надлежащим образом обратиться за согласием. Вместе с тем организация «Промо-лекс» получила письменное согласие от соседки В.С., П., которая была одной из ее ближайших подруг и которую она назначила исполнителем завещания и в чьем доме 9 января 2014 года она скрывалась от насилия со стороны мужа.

2.11 Таким образом, автор считает, что условия статьи 2 Факультативного протокола соблюдены. По мнению автора, требование получить во всех случаях согласие жертвы противоречило бы как духу, так и конкретной формулировке статьи 2 Факультативного протокола, в соответствии с которой индивидуальные сообщения могут представляться даже от имени тех, кто по той или иной причине не в состоянии дать согласие в случаях, когда такое действие является оправданным. К таким случаям должны относиться те, в которых авторитетные правозащитные организации, такие как «Промо-лекс», стремятся действовать от имени жертвы, которая погибла или иным образом не в состоянии дать согласие и права которой невозможно защитить и отстоять иным образом. Такое прочтение, по мнению автора, максимально расширяет возможности Комитета по предоставлению доступа к правосудию тем, кто не может самостоятельно добиться его отправления.

2.12 Кроме того, автор утверждает, что «репрезентативный статус» такого рода после смерти жертвы гендерного насилия в результате подобного насилия имеет большое значение для обеспечения всеобщей защиты прав женщин в соответствии с Конвенцией и прав женщин на свободу от насилия и на жизнь без страха и насилия на основе равенства.

Исчерпание внутренних средств правовой защиты

2.13 Автор утверждает, что В.С. не обращалась за предусмотренным законом «судебным защитным предписанием»⁸, поскольку она не знала и никогда не была информирована властями о наличии такой меры. Хотя она неоднократно подавала жалобы в полицию в связи с агрессивным поведением мужа, она так и не получила эффективной защиты. Поскольку в настоящее время она является покойной, никаких дополнительных средств правовой защиты, которые могли бы обеспечить эффективную защиту, нет.

2.14 Соответственно, автор утверждает, что обращенное к жертве требование исчерпать внутренние средства правовой защиты, о котором она не знала по причине пассивности властей государства-участника, в частности в обстоятельствах, когда о такой пассивности говорится в жалобе жертвы, подорвало бы цели Факультативного протокола. В этой связи автор указывает на то, что случаи семейно-бытового насилия имеют особые характеристики и что виновные часто осуществляют над жертвами физический и психологический контроль⁹. В результате часто складывается так, что средства правовой защиты,

⁸ Закон № 45-XVI от 1 марта 2007 года «О предупреждении и пресечении семейно-бытового насилия» (Закон о семейно-бытовом насилии).

⁹ Автор ссылается на дело Европейского суда по правам человека, *Т.М. и К.М. против Республики Молдова*, заявление № 26608/11, постановление от 28 января 2014 года.

зависящие от действий, которые должны быть предприняты жертвами, не могут быть использованы для предоставления эффективной защиты¹⁰.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что, не проявив должной осмотрительности¹¹ в деле защиты В.С. от обнаруженной угрозы семейно-бытового насилия, государство-участник нарушило ее права по статье 2 а), с), е) и f), рассматриваемой в совокупности со статьей 1 Конвенции.

Невыполнение

3.2 Автор утверждает, что в данном случае нарушения положений Конвенции обусловлены главным образом недостатками в применении государством-участником его существующей правовой базы¹². Эти недостатки были очевидны как с учетом продолжающегося насилия, которому В.С. подвергалась в 2013 году, так и с учетом реакции властей на инцидент 9 января 2014 года.

3.3 Автор утверждает, что ситуация в Республике Молдова отражает следующее: а) последовательное нежелание властей рассматривать семейно-бытовое насилие в качестве серьезного уголовного преступления¹³ и б) неосведомленность государственных органов, в частности сотрудников полиции, об их обязанностях в ситуациях семейно-бытового насилия. В частности, автор ссылается на дело *Еремия и другие против Республики Молдова*, в котором Европейский суд по правам человека постановил, что действия властей в ответ на неоднократные акты семейно-бытового насилия в отношении заявителя «были не просто пассивными», а «представляли собой неизменное попустительство такому насилию и отражали дискриминационное отношение» к заявителю как к женщине¹⁴.

Непроведение расследования

3.4 Автор утверждает, что ни одна из жалоб, поданных В.С. и ее соседями, не сопровождалась официальным расследованием и что, несмотря на полное отсутствие изменений в поведении С., единственные меры, принятые властями, ограничились неофициальными «предупреждениями» и «беседами» с ним¹⁵. Автор добавляет, что непроведение расследования имело место

¹⁰ Автор ссылается на дело *Венский кризисный центр по борьбе с бытовым насилием и Ассоциация за доступ женщин к правосудию от имени Гёкче и других против Австрии* и дело *Венский центр защиты от бытового насилия и Ассоциация за предоставление женщинам доступа к средствам правовой защиты от имени Акбак и других против Австрии*.

¹¹ Автор ссылается на дело *Венский кризисный центр по борьбе с бытовым насилием и Ассоциация за доступ женщин к правосудию от имени Гёкче и других против Австрии*, пункты 12.1.4. и 12.1.6, и дело *Венский центр защиты от бытового насилия и Ассоциация за предоставление женщинам доступа к средствам правовой защиты от имени Акбак и других против Австрии*, пункты 12.1.5. и 12.1.6.

¹² Автор ссылается, в частности, на дело *В.К. против Болгарии* (CEDAW/C/49/D/20/2008), пункт 9.4.

¹³ Автор ссылается на тот факт, что эта ситуация упоминалась в документах [A/HRC/11/6/Add.4](#) и [CEDAW/C/MDA/CO/4-5](#).

¹⁴ Заявление № 3564/11, постановление от 28 мая 2013 года, пункт 89.

¹⁵ Автор ссылается на пункт 21 документа [A/HRC/11/6/Add.4](#), в котором отмечалось, что, если только семейно-бытовое насилие не приводит к серьезным телесным повреждениям, такое насилие в Республике Молдова не воспринимается как проблема, требующая правового вмешательства. В результате такое насилие замалчивали, и оно не получало должного внимания со стороны чиновников.

несмотря на следующие положения национального законодательства: а) статья 28 Уголовно-процессуального кодекса Республики Молдова¹⁶ и б) статья 8 б) Закона № 45-XVI от 1 марта 2007 года «О предупреждении и пресечении семейно-бытового насилия» (Закон о семейно-бытовом насилии)¹⁷. Опираясь на прецедентное право Европейского суда по правам человека, автор утверждает, что в данном случае, поскольку властям было известно о заявлениях В.С. о семейно-бытовом насилии, они были обязаны по собственной инициативе расследовать необходимость принятия мер для предупреждения такого насилия¹⁸. Автор утверждает, в частности, что отсутствие последующих мер, предусматривающих своевременное и надлежащее расследование в связи с этими заявлениями, равносильно нарушению статьи 2, рассматриваемой в совокупности со статьей 1 Конвенции¹⁹.

Непредставление информации об услугах по защите и поддержке и/или принятию мер, необходимых для предоставления таких услуг

3.5 В 2013 году, даже после очень серьезного инцидента 9 января 2014 года, полиция не проинформировала В.С. о возможности получения судебного защитного предписания или возбуждения дела по собственной инициативе. Кроме того, ни В.С., ни С. не получили никаких контактных данных или информации об организациях, которые предоставляют консультационные или реабилитационные услуги и которые могли бы помочь С. в решении его проблемы злоупотребления алкоголем и связанного с этим агрессивного поведения или предоставить В.С. место во временном приюте. Таким образом, государство-участник не выполнило свои обязательства по статьям 8, 10 и 11 Закона о семейно-бытовом насилии.

3.6 Автор утверждает, что неинформирование В.С. о возможности получения судебного защитного предписания, неспособность ходатайствовать о вынесении такого предписания от ее имени и отсутствие ясности со стороны полиции противоречат общей рекомендации Комитета № 19 (1992) о насилии в отношении женщин (подпункты b) и t) пункта 24).

3.7 Автор утверждает, что в Законе о семейно-бытовом насилии не содержится практически применимого положения о незамедлительной защите жертв семейно-бытового насилия, как и четкого указания на то, кто имеет право подавать ходатайства о вынесении судебных защитных предписаний. Автор далее утверждает, что в Законе не содержится четкого разъяснения процедуры получения защитных предписаний по просьбе жертвы или по инициативе полиции, социальных работников или прокуроров. В Законе также не содержится информации о конкретных механизмах и обязательствах, связанных с исполнением таких предписаний. Автор утверждает, что эти недосмотры

¹⁶ Автор поясняет, что в соответствии со статьей 28 государственные органы обязаны принимать позитивные меры, в том числе проводить уголовное расследование, в любом случае, когда имеются разумные основания подозревать, что было совершено преступление, в том числе в контексте семейно-бытового насилия.

¹⁷ Автор поясняет, что в соответствии с пунктом б) статьи 8 административные органы внутренних дел, включая региональную и местную полицию, обязаны регистрировать случаи семейно-бытового насилия и сообщать о них, рассматривать уведомления, представляемые гражданами в связи с конфликтами в семьях и актами насилия, и проводить мероприятия, направленные на предупреждение повторных актов семейно-бытового насилия.

¹⁸ Европейский суд по правам человека, дело *Т.М. и К.М. против Республики Молдова*, пункт 46.

¹⁹ Автор ссылается на дело *Джаллоу против Болгарии* (CEDAW/C/52/D/32/2011), пункт 8.4.

равносильны нарушению государством-участником своего обязательства обеспечить, чтобы законы о борьбе с гендерным насилием гарантировали надлежащую защиту всех женщин и уважение их чести и достоинства, а также своего обязательства принять все правовые и другие меры, необходимые для обеспечения эффективной защиты женщин от гендерного насилия.

Предлагаемые средства

3.8 Что касается возможных средств правовой защиты, то автор рекомендует государству-участнику: а) принять необходимые меры для обеспечения того, чтобы женщины, ставшие жертвами семейно-бытового насилия, имели беспрепятственный доступ к соответствующим службам защиты и поддержки; б) активизировать осуществление и отслеживание хода осуществления действующих законов путем принятия надлежащих мер по предупреждению насилия в отношении женщин и реагированию на него и с) обеспечить обязательную подготовку сотрудников правоохранительных органов, включая сотрудников полиции, по вопросам применения существующих законов с уделением особого внимания тому, чтобы женщины располагали информацией о средствах правовой защиты и помощи, имеющихся в их распоряжении.

Замечания государства-участника по существу сообщения

4.1 Государство-участник представило свои замечания в отношении приемлемости и существа сообщения в вербальной ноте от 6 апреля 2017 года. Оно утверждает, что в период 2012–2014 годов полиция приняла участие в рассмотрении трех жалоб В.С. в связи с актами семейно-бытового насилия. Эти действия были зарегистрированы в «других протоколах о правонарушениях и инцидентах» Центральной полицейской инспекции Департамента полиции Кишинева и проверены в пределах компетенции полиции, а В.С. была проинформирована о результатах этих проверок. Одно из дел было рассмотрено по статье 274 Уголовно-процессуального кодекса²⁰, в результате чего против С. было возбуждено уголовное дело, которое было передано в суд 31 марта 2014 года.

4.2 Государство-участник далее сообщает, что 10 января 2014 года в целях недопущения агрессивных действий со стороны С. и контроля за его поведением его поставили на учет и в соответствии с пунктами 90 и 91 Методических указаний по вмешательству подразделений внутренних дел в предупреждение и пресечение случаев семейно-бытового насилия, утвержденных Министерством внутренних дел в его приказе № 275 от 14 августа 2012 года, в отношении С. были приняты индивидуальные профилактические меры.

4.3 Государство-участник сообщает, что 3 апреля 2014 года Департамент Центрального района по вопросам оказания социальной помощи был проинформирован по телефону о тяжелом состоянии В.С. В результате было проведено обследование на месте. Было установлено, что В.С. была выписана из больницы в тяжелом парализованном состоянии, с нарушениями речи и неспособностью самовыражаться. О ней заботилась П., которая сообщила о произошедшей между В.С. и С. ссоре, завершившейся применением силы, в

²⁰ Статья 274 1) Уголовно-процессуального кодекса Республики Молдова гласит: «Орган уголовного расследования, уведомленный в порядке, предусмотренном статьями 262 и 273, принимает решение о возбуждении уголовного расследования, если в результате уведомления или установления деяния возникает обоснованное подозрение в совершении преступления, а также отсутствуют обстоятельства, исключающие уголовное расследование». Лицо, направившее уведомление, или соответствующий орган должны быть проинформированы об этом.

результате чего В.С., получившая тяжелые ранения, была доставлена на машине скорой помощи в травмпункт, а С. был арестован.

4.4 Государство-участник поясняет, что в ходе расследования П., которая ухаживала за В.С., была проинформирована о необходимости привлечения юридического представителя, а также об услугах и социальных пособиях, предоставляемых Департаментом по вопросам оказания социальной помощи, и о праве обращаться за медицинской помощью. В то же время с целью получения необходимых медицинских услуг было направлено уведомление в Территориальное медицинское объединение, и 4 апреля 2014 года В.С. была госпитализирована. После выписки из больницы В.С. продолжала находиться под присмотром П.

4.5 Кроме того, 31 января 2014 года Центральный районный суд Кишинева вынес судебное защитное предписание²¹ в отношении жертвы, В.С., применив некоторые ограничения, предусмотренные законом в отношении ее агрессора, С. В соответствии с Законом о семейно-бытовом насилии полиция исполнила предписание, проинформировав С. об ограничениях, примененных в отношении него Судом, и предупредив его о юридической ответственности за невыполнение предписания и получив его подпись. В то же время один из сотрудников полиции инициировал процедуру надзора за соблюдением ограничений, введенных Судом. Государство-участник добавляет, что в период, на который распространялось действие этого предписания, этот сотрудник полиции не сообщил ни о каких нарушениях принятых мер. Оно также заявляет, что Центральная полицейская инспекция сообщила, что принимает все необходимые меры для предотвращения конфликтных ситуаций и актов семейно-бытового насилия.

4.6 Наконец, государство-участник подчеркивает, что приговор к восьмилетнему тюремному заключению, вынесенный С., был оставлен в силе решением Апелляционного суда от 22 апреля 2016 года.

Изменения в законодательстве

4.7 Государство-участник информирует Комитет о том, что 28 июля 2018 года в целях приведения национальной правовой базы в соответствие с международными стандартами оно приняло Закон № 196, в соответствии с которым в различные вопросы, связанные с предупреждением и пресечением семейно-бытового насилия, вносятся определенные изменения и дополнения. В соответствии с новым законом были пересмотрены некоторые определения, содержащиеся в Законе о семейно-бытовом насилии, и в рамках механизма защиты жертв в качестве временной меры защиты жертв, которая должна применяться полицией на срок до 10 дней, было введено новое «чрезвычайное судебное защитное предписание», в соответствии с которым агрессор должен быть немедленно отстранен от семьи, а также введен ряд запретов для предотвращения актов насилия. Государство-участник также сообщает Комитету о том, что 6 февраля 2017 года оно подписало Конвенцию Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием.

²¹ Государство-участник не представило копию этого судебного защитного предписания.

Комментарии автора к замечаниям государства-участника по существу сообщения

5.1 В своих комментариях от 22 августа 2017 года автор подчеркивает, что государство-участник не оспаривает ни приемлемость сообщения, ни правовой статус автора, ни исчерпание внутренних средств правовой защиты.

5.2 Автор утверждает, что государство-участник не отвечает на основные жалобы, поданные в связи с нарушением пунктов а), с), е) и f) статьи 2, рассматриваемой в совокупности со статьей 1 Конвенции.

5.3 Что касается шагов, предпринятых государством-участником в период до совершения 19 января 2014 года нападения на В.С., которое привело к ее смерти, то автор утверждает, что они были недостаточными для освобождения государства-участника от его обязательства проявлять должную осмотрительность в деле защиты В.С. от обнаруженной угрозы семейно-бытового насилия. В частности, автор утверждает, что государство-участник не приняло всех необходимых мер для предотвращения семейно-бытового насилия. В своих замечаниях государство-участник подтверждает, что полиция была полностью осведомлена о том, что В.С. является жертвой непрекращающегося семейно-бытового насилия, но так и не проинформировала об этом соответствующие социальные службы, что только подтверждает наличие серьезных недостатков в национальных механизмах мониторинга и оказания поддержки в случаях насилия. Кроме того, хотя государство-участник заявляет, что полиция рассмотрела жалобы В.С. в пределах своей компетенции, оно не предоставило никакой информации или доказательств, опровергающих утверждение о том, что принятые полицией меры ограничились лишь неофициальными предупреждениями и беседами с С., что является очередным подтверждением того факта, что такие меры ни в коей мере не обеспечили защиту В.С. от повторных актов совершаемого в ее отношении серьезного насилия. Автор также считает, что государство-участник подтверждает, что не предоставило С. доступ к консультационным и реабилитационным услугам, как и не предоставило защиту и услуги по оказанию помощи В.С. Кроме того, автор подчеркивает, что государство-участник не уточнило и не представило доказательств того, каким образом осуществлялись, подлежали отслеживанию и реализовывались на практике индивидуальные профилактические меры от 10 января 2014 года, а также не представило информацию о наличии какого-либо судебного защитного предписания в пользу В.С. после серьезного инцидента, связанного с семейно-бытовым насилием и произошедшего 9 января 2014 года.

5.4 Что касается действий, предпринятых государством-участником после нападения 19 января 2014 года, то автор утверждает, что они не дают ответа на заявления, касающиеся отсутствия защиты. Предоставление В.С. и П. информации об имеющейся помощи и социальных услугах только после того, как В.С. подверглась нападению со стороны ее мужа, которое в конечном счете и привело к ее смерти, служит лишь доказательством вопиющей неспособности сделать это ранее. Автор далее утверждает, что государство-участник не предоставило копию судебного защитного предписания, якобы выданного в защиту В.С. 31 января 2014 года, что в материалах уголовного дела в отношении С. не содержится доказательств наличия такого предписания и что Центральная полицейская инспекция не предоставила его копию в соответствии с просьбой автора. Принципиально важно то, что, даже если бы такое предписание и было выдано, оно не послужило бы никакой практической цели с учетом того, что С. был арестован 20 января 2014 года и с тех пор остается под стражей.

5.5 Что касается уголовного судопроизводства в отношении С., то оно началось 20 января 2014 года, после того как было совершено нападение, приведшее к летальному исходу. Таким образом, автор утверждает, что единственное соответствующее уголовное разбирательство в отношении С. началось только в связи с самим нападением, для предотвращения которого государство-участник не приняло надлежащих мер и которое в конечном счете привело к смерти В.С. Автор приходит к выводу о том, что если бы было приложено больше усилий в связи с более ранними нападениями, то нападение, приведшее к смерти В.С., возможно, удалось бы предотвратить. Автор вновь заявляет, что последующее судебное преследование не исключает ответственности со стороны государства-участника.

5.6 Что касается представленной государством-участником информации о правовых изменениях, то автор утверждает, что они не дают ответа на сделанные заявления и были бы недостаточны для выполнения государством-участником своих обязательств. Автор приветствует готовность государства-участника предотвращать и пресекать семейно-бытовое насилие, а также приводить свое законодательство в соответствие с международными стандартами. Вместе с тем автор подчеркивает, что эти правовые изменения произошли спустя годы после смерти В.С. и поэтому совершенно не имеют отношения к вопросу о том, выполняло ли государство-участник свои обязательства по отношению к ней в течение ее жизни. Наконец, автор утверждает, что эти изменения не затрагивают такие важнейшие вопросы, как очевидный разрыв между техническими положениями применимого законодательства и возможностями и готовностью соответствующих органов обеспечивать их соблюдение.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости сообщения

6.1 В соответствии с правилом 64 своих правил процедуры Комитет должен принять решение о том, является ли данное сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу. Во исполнение правила 72 4) Комитет должен решить этот вопрос до рассмотрения сообщения по существу.

6.2 Комитет отмечает, что настоящее сообщение было представлено без конкретного согласия предполагаемой жертвы действовать от ее имени. Он отмечает, что государство-участник не высказало по этому поводу никаких возражений.

6.3 В этой связи Комитет в предварительном порядке отмечает, что формулировка второго предложения статьи 2 Факультативного протокола к Конвенции прямо предусматривает возможность представления сообщений без согласия жертвы при условии, что автор может обосновать свои действия от ее имени без такого согласия. По мнению Комитета, отказ в регистрации случаев, подобных нынешнему, на основании отсутствия явно выраженного согласия, помешает Комитету оценить основания для представления сообщения и, с учетом их серьезности, может быть приравнен к потворству безнаказанности. Комитет считает, что сообщения могут представляться без согласия жертвы, когда а) жертва не может представить сообщение или назначить представителя, например в случае смерти, или б) когда автор может обосновать свои действия от имени жертвы без явно выраженного согласия. В последнем случае автор должен в письменной форме обосновать причины действия без получения такого согласия.

6.4 Комитету известно о подходе, которого придерживается Европейский суд по правам человека в рассмотрении ряда аналогичных дел. Например, в случае *Центра правовых ресурсов от имени Валентина Кэмпяну против Румынии*²² заявление было подано неправительственной организацией от имени скончавшегося заявителя более чем через четыре года после его смерти. В своем решении Суд сослался, в частности на прецедентное право Комитета Организации Объединенных Наций по правам человека, учрежденного в соответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах, согласно которому в исключительных случаях сообщение от имени жертвы может представить третья сторона. Такое сообщение может быть рассмотрено только в том случае, если третья сторона может обосновать свои действия от имени жертвы. Жертва может уполномочить представителя представить сообщение от ее или его имени. В соответствии с правилами процедуры Комитета сообщение, представленное от имени жертвы, может быть также принято, если выясняется, что соответствующее лицо не в состоянии представить такое сообщение лично. Суд отметил, что типичными примерами таких ситуаций являются случаи насильственного исчезновения, когда утверждается, что жертва была похищена, когда жертва исчезла, когда невозможно узнать местонахождение жертвы или когда жертва содержится под стражей или находится в психиатрическом учреждении. Сообщение от имени умершего лица может представить третья сторона (обычно близкий родственник)²³.

6.5 Суд также отметил, что аналогичного подхода придерживается межамериканская система защиты прав человека, принимающая дела, представленные третьими сторонами, например в случаях насильственного исчезновения или задержания лиц.

6.6 Суд пришел к выводу о том, что, с учетом исключительных обстоятельств дела и серьезности заявлений, неправительственная организация должна быть признана имеющей право выступать в качестве представителя г-на Кэмпяну, несмотря на то, что она не получила явного разрешения действовать от его имени и что он умер до подачи заявления в соответствии с Конвенцией. Суд отметил, что противоположный вывод будет равнозначен предотвращению рассмотрения таких серьезных обвинений в нарушении Конвенции на международном уровне, что чревато тем, что государство-ответчик может уйти от своей ответственности по Конвенции в результате того, что оно не назначит, несмотря на свои обязательства по внутреннему законодательству, законного представителя, который будет действовать от имени жертвы. По мнению Суда, разрешение государству уклониться таким образом от ответственности противоречило бы общему духу Конвенции и обязательству по ее статье 34, согласно которой Высокие Договаривающиеся Стороны никоим образом не могут препятствовать эффективному осуществлению права на подачу ходатайства в Суд.

6.7 В данном случае Комитет отмечает, что автор не могла получить согласие В.С. в связи с ее смертью и что, поскольку она была сиротой и не имела ни одного оставшегося в живых члена биологической или приемной семьи, ни детей, не было ближайших родственников, от которых автор могла бы надлежащим образом получить согласие. Комитет отмечает, что адвокат, работающий на автора, представлял В.С. в ходе разбирательства в национальных

²² Заявление № 47848/08, постановление от 17 июля 2014 года.

²³ См., например, *Базаровы против Узбекистана* (CCPR/C/87/D/959/2000); *Селал против Греции* (CCPR/C/82/D/1235/2003); *Телицына против Российской Федерации* (CCPR/C/80/D/888/1999); *Коронель и др. против Колумбии* (CCPR/C/76/D/778/1997) и *Мианго против Заира* (CCPR/C/31/D/194/1985).

органах. Кроме того, в отсутствие близких родственников автор получила согласие ближайшей подруги В.С. и исполнительницы ее завещания, П., в поддержку настоящего сообщения и, таким образом, приложила разумные усилия для обеспечения того, чтобы у нее было достаточно оснований для действий. Соответственно, Комитет считает, что в конкретных обстоятельствах данного дела автор надлежащим образом обосновала свои действия от имени В.С. без ее явно выраженного согласия. Комитет считает, что с учетом фактов данного дела, уязвимости предполагаемой жертвы, в частности после совершенного на нее 19 января 2014 года нападения со стороны ее мужа, которое оставило ее парализованной и привело к ее смерти, а также серьезности обвинений, объективно невозможно было дать согласие на действия от ее имени, и что согласие на то, что неправительственная организация «Промо-лекс» может выступить в качестве автора настоящего сообщения, отвечает интересам правосудия и недопущения безнаказанности. С учетом вышеизложенных соображений Комитет приходит к выводу о том, что статья 2 Факультативного протокола не запрещает ему рассматривать настоящее сообщение.

6.8 В отношении статьи 4 1) Факультативного протокола Комитет отмечает, что государство-участник не оспаривает приемлемость данного сообщения в связи с неисчерпанием внутренних средств правовой защиты. Он также отмечает, что, поскольку В.С. погибла, нет никаких дополнительных средств правовой защиты, которые могли бы гарантировать эффективную помощь. С учетом этих обстоятельств Комитет приходит к выводу об отсутствии препятствий для рассмотрения им данного сообщения в соответствии с пунктом 1 статьи 4 Факультативного протокола.

6.9 В соответствии со статьей 4 2) а) Факультативного протокола Комитет убедился в том, что этот вопрос не рассматривался и не рассматривается по какой-либо другой процедуре международного расследования или урегулирования.

6.10 У Комитета нет оснований считать сообщение неприемлемым по каким-либо другим причинам, и поэтому он объявляет его приемлемым и приступает к его рассмотрению по существу.

Рассмотрение сообщения по существу

7.1 Комитет рассмотрел настоящее сообщение с учетом всей информации, предоставленной ему автором сообщения и государством-участником, как это предусмотрено положениями пункта 1 статьи 7 Факультативного протокола.

7.2 Автор утверждает, что государство-участник нарушило права В.С. в соответствии с пунктами а), с), е) и f) статьи 2, рассматриваемой в совокупности со статьей 1 Конвенции. Таким образом, вопрос, стоящий перед Комитетом, заключается в том, чтобы определить, проявляло ли государство-участник в рамках всей своей структуры, включая его органы власти, должностных лиц, учреждения, практику и законодательство, должную осмотрительность, рассматривало и расследовало ли оно надлежащим образом неоднократные жалобы В.С. на семейно-бытовое насилие и предоставляло ли ей эффективные услуги по правовой защите, консультированию и реабилитации. Комитет должен определить, выполнило ли государство-участник свои позитивные обязательства в соответствии с Конвенцией по защите В.С. от дискриминации,

понимая семейно-бытовое насилие как одно из вопиющих и явных проявлений дискриминации в отношении женщин²⁴.

7.3 Комитет напоминает, что в соответствии с пунктами а), с), е) и f) статьи 2 Конвенции государство-участник обязано соблюдать принцип равенства мужчин и женщин, обеспечивать эффективную правовую защиту женщин и принимать все соответствующие меры для ликвидации дискриминации в отношении них, в том числе путем изменения или отмены не только действующих законов и постановлений, но и обычаев и практики, которые представляют собой дискриминацию в отношении женщин. Комитет вновь подтверждает, что эти обязательства возлагаются на все государственные органы²⁵, включая сотрудников правоохранительных органов.

7.4 Комитет отмечает, что государство-участник приняло меры по обеспечению защиты от семейно-бытового насилия в соответствии с Законом о семейно-бытовом насилии, в котором предусматривается возможность вынесения судебных защитных предписаний, однако эти меры были приняты только после смерти В.С.

7.5 Вместе с тем в данном случае Комитет отмечает, что, несмотря на существование вышеупомянутого закона, неоднократные обращения В.С. в течение 2013 года в полицию с целью сообщить о физическом и психологическом насилии, совершаемом ее мужем, привели лишь к тому, что полиция вынесла С. устное предупреждение и провела с ним неофициальную беседу о его «неприемлемом поведении» (см. пункты 2.3 и 2.4 выше). В этой связи Комитет отмечает, что ни один из этих фактов не был оспорен государством-участником.

7.6 Комитет также отмечает, что 9 января 2014 года, после звонка В.С., в котором она сообщила о жестоком обращении со стороны ее мужа, к ней домой были направлены сотрудники полиции. В результате ее муж был оштрафован за мелкое хулиганство, а В.С., опасавшаяся насилия со стороны мужа, решила переехать в соседний дом. Комитет отмечает, что государство-участник не оспаривало это замечание и не указало, почему на тот момент полиция: а) не оценила в своевременном порядке серьезность ситуации с учетом предыдущих жалоб В.С., которые уже были зарегистрированы в «других протоколах о правонарушениях и инцидентах» Центральной полицейской инспекции Департамента полиции Кишинева (см. пункт 4.1 выше), в целях эффективной защиты В.С., согласно соответствующему законодательству, и б) не рассматривала возможность обращения с просьбой о проведении расследования по заявлениям в отношении С. в соответствии с положениями Уголовного кодекса Республики Молдова, которые конкретно касаются преступлений, связанных с семейно-бытовым насилием, с учетом повторения актов насилия, совершаемых в отношении В.С.

7.7 Комитет далее отмечает, что государство-участник также не объяснило, почему к тому времени для обеспечения В.С. непосредственной защитой ей не были предложены консультации, реабилитационные услуги, убежище или жилье или почему С. не были предоставлены поддержка и реабилитационные услуги в связи с его проблемой злоупотребления алкоголем, что предусмотрено законом государства-участника о борьбе с семейно-бытовым насилием. Комитет также принимает к сведению утверждение автора о том, что полиция

²⁴ См. общую рекомендацию № 19 (1992) о насилии в отношении женщин и общую рекомендацию № 35 (2017) о гендерном насилии в отношении женщин, дополняющую общую рекомендацию № 19.

²⁵ См., например, *Л.Р. против Республики Молдова* (CEDAW/C/66/D/58/2013), пункт 13.6.

не приняла мер по защите В.С. и не проинформировала ее о ее праве самостоятельно возбудить разбирательство с целью получения в соответствии с Законом о семейно-бытовом насилии судебного защитного предписания. Он далее принимает к сведению заявление автора о том, что в Законе не содержится четкого разъяснения процедуры получения защитных предписаний по просьбе жертвы или по инициативе полиции, социальных работников или прокуроров.

7.8 Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что 10 января 2014 года в целях предотвращения агрессивных действий со стороны С. и контроля за его поведением он был поставлен на учет и были приняты индивидуальные профилактические меры (см. пункт 4.2 выше). Вместе с тем Комитет отмечает, что автор указывает на то, что государство-участник не уточнило и не представило доказательств того, как эти индивидуальные меры осуществлялись на практике, а также каким образом они подлежали отслеживанию и реализовывались (см. пункт 5.3 выше).

7.9 Комитет также отмечает, что 19 января 2014 года С. совершил жестокое нападение на В.С., нанеся ей многочисленные удары по голове. В результате она осталась парализованной и с трудом могла говорить, а 16 сентября 2014 года скончалась от вызванных травмами осложнений. 20 января 2014 года С. был задержан, и 30 декабря 2015 года он был осужден за убийство своей жены и приговорен к восьми годам тюремного заключения. Комитет принимает к сведению заявление государства-участника о том, что 31 января 2014 года Центральный районный суд Кишинева вынес в отношении В.С. судебное защитное предписание, посредством которого наложил на С. некоторые ограничения. Вместе с тем Комитет также принимает к сведению заявление автора об отсутствии доказательств существования такого предписания, об отсутствии копии предписания в материалах уголовного дела С. и о том, что автор не смогла получить копию предписания, несмотря на соответствующие просьбы, и что, даже если предписание было все-таки вынесено, оно не послужило никакой практической цели с учетом того, что С. уже был арестован и остается под стражей со дня своего ареста 20 января 2014 года.

7.10 В данном случае соблюдение государством-участником своих обязательств по пунктам а), с), е) и f) статьи 2 Конвенции должно оцениваться с учетом степени должной осмотрительности и обращения внимания на гендерные аспекты при рассмотрении дела В.С. полицией, а также применяемых профилактических и защитных мер.

7.11 Комитет считает, что после того, как В.С., женщина-инвалид, сообщила о неоднократных случаях семейно-бытового насилия, в частности после инцидента 9 января 2014 года, полиция уже должна была признать риск продолжения насилия в ее отношении. В своем представлении государство-участник само называет эти инциденты «актами семейно-бытового насилия» (см. пункт 4.1). Комитет считает, что признание этих актов таковыми требовало от полиции понимания того, что конкретно влечет за собой семейно-бытовое насилие и каковы ее обязанности в соответствии с Законом о семейно-бытовом насилии с точки зрения риска дальнейшего насилия, и что сотрудники полиции должны быть обучены тому, как адекватно и комплексно реагировать на инциденты, связанные с семейно-бытовым насилием.

7.12 Комитет далее считает, что тот факт, что после инцидента 9 января 2014 года С. был всего лишь наказан за мелкое хулиганство и что этот инцидент не был рассмотрен в рамках действующего соответствующего законодательства о предупреждении семейно-бытового насилия и борьбе с ним, свидетельствует о том, что сотрудникам полиции не доставало компетенции, чтобы

понять масштабы и тяжесть семейно-бытового насилия в отношении женщин и действовать соответствующим образом, предоставляя В.С. услуги по поддержке и реабилитации и информацию о возможности получения судебного защитного предписания. Комитет напоминает, что отсутствие возможности незамедлительно предоставить защиту, в частности в виде временных убежищ, может представлять собой нарушение обязательств государства-участника по пунктам с) и е) статьи 2 Конвенции²⁶.

7.13 Комитет отмечает, что об эффективном осуществлении профилактической меры, принятой 10 января 2014 года, и, тем более, о существовании и эффективности единственного защитного предписания, которое, как утверждается, было вынесено в пользу В.С. 31 января 2014 года, не было предоставлено почти никакой информации. Комитет считает, что в любом случае такое предписание не послужило бы никакой цели, поскольку на момент ее вынесения С., лицо, подвергающее В.С. угрозе дальнейшего насилия, уже был лишен свободы, а В.С. уже получила ранения, приведшие к летальному исходу.

7.14 Наконец, Комитет согласен с мнением автора о том, что единственное соответствующее уголовное разбирательство в отношении С. началось только в связи с нападением 19 января 2014 года, что государство-участник не приняло надлежащих мер для его предотвращения и что в конечном счете это нападение привело к смерти В.С., а также что последующее судебное преследование и тюремное заключение С. не исключают ответственности со стороны государства-участника.

7.15 Комитет напоминает, что гендерное насилие в отношении женщин, затрудняющее или сводящее на нет осуществление женщинами их прав человека и основных свобод в соответствии с общими нормами международного права или положениями конвенций о правах человека, является дискриминацией по смыслу статьи 1 Конвенции²⁷. В рамках обязательства проявлять должную осмотрительность государство-участники должны разрабатывать и осуществлять различные меры по борьбе с гендерным насилием в отношении женщин, совершаемым негосударственными субъектами, включая принятие законов и создание учреждений и системы для борьбы с таким насилием, а также обеспечение их реальной эффективности и их поддержки со стороны всех государственных должностных лиц и органов, обеспечивающих надлежащее соблюдение законов. Если государство-участник не принимает все надлежащие меры для предотвращения актов гендерного насилия в отношении женщин в тех случаях, когда его органы власти знают или должны знать о существовании риска такого насилия, или не проводит расследования, не привлекает к ответственности и не наказывает виновных и не возмещает ущерб жертвам и пострадавшим от таких действий, то оно тем самым дает молчаливое согласие на совершение актов гендерного насилия в отношении женщин или поощряет их. Такие пассивность и бездействие представляют собой нарушения прав человека²⁸.

7.16 Высоко оценивая принятие государством-участником в 2018 году нового закона о борьбе с семейно-бытовым насилием и усилия, прилагаемые для решения проблемы семейно-бытового насилия, Комитет, тем не менее, считает, что в данных обстоятельствах эти меры не были реализованы в достаточной

²⁶ Дело *В.К. против Болгарии*, пункт 9.13.

²⁷ См. общую рекомендацию № 19 и общую рекомендацию № 35 (2017) о гендерном насилии в отношении женщин, дополняющую общую рекомендацию № 19.

²⁸ Общая рекомендация Комитета № 35, пункт 24 2) b).

степени²⁹. Реакция полиции на протяжении всего периода рассмотрения дела В.С. не способствовала предотвращению семейно-бытового насилия или защите от него. Кроме того, Комитет считает, что конкретное законодательство государства-участника должно было бы осуществляться всеми государственными субъектами, включая сотрудников правоохранительных органов, которые связаны обязательствами государства-участника.

7.17 В свете вышеизложенного Комитет делает вывод о том, что представленные факты свидетельствуют о том, что то, каким образом власти государства-участника рассматривали дело В.С., представляет собой нарушение ее прав в соответствии со статьей 2 а), с), е) и f), рассматриваемой в совокупности со статьей 1 Конвенции.

8. Действуя в соответствии с пунктом 3 статьи 7 Факультативного протокола и с учетом вышеизложенных соображений, Комитет полагает, что государство-участник не выполнило своих обязательств и тем самым нарушило права В.С., предусмотренные статьей 2 а), с), е) и f), рассматриваемой в совокупности со статьей 1 Конвенции.

9. Комитет выносит государству-участнику следующие рекомендации:

а) в индивидуальном порядке: предоставить В.С. достойным и надлежащим образом посмертное подтверждение ее статуса жертвы семейно-бытового насилия;

б) в общем порядке:

i) оперативно, тщательно, беспристрастно и серьезно расследовать все заявления о гендерном насилии в отношении женщин, обеспечивать возбуждение уголовных дел во всех таких случаях, своевременно и быстро привлекать предполагаемых правонарушителей к ответственности и применять к ним надлежащие меры наказания, руководствуясь принципами справедливости и беспристрастности;

ii) предоставлять жертвам гендерного насилия безопасный и оперативный доступ к правосудию, включая, когда это необходимо, бесплатную юридическую помощь, с целью обеспечить их доступными, эффективными и достаточными средствами правовой защиты и реабилитации в соответствии с методическими указаниями, изложенными в общей рекомендации № 33 (2015) Комитета о доступе женщин к правосудию, и обеспечить, чтобы жертвам семейно-бытового насилия и их детям предоставлялась оперативная и надлежащая поддержка, включая предоставление убежища и психологической помощи;

iii) обеспечить обязательную профессиональную подготовку сотрудников правоохранительных органов, включая полицию, по вопросам применения нормативно-правовой базы в области предотвращения и пресечения семейно-бытового насилия, в том числе подготовку по вопросам определения семейно-бытового насилия и по гендерным стереотипам, а также подготовку по вопросам Конвенции, Факультативного протокола к ней и правовой практики Комитета, а также общих рекомендаций, в

²⁹ См. Межамериканская комиссия по правам человека, *Мария Да Пенья Майя Фернандис против Бразилии*, дело № 12.051, доклад № 54/01, 16 апреля 2001 года, пункт 57, и *Джессика Ленахан (Гонсалес) и др. против Соединенных Штатов*, дело № 12.626, доклад № 80/11, 21 июля 2011 года, пункт 161

особенности общих рекомендаций № 19, № 28 (2010), касающейся основных обязательств государств-участников по статье 2 Конвенции, № 33 и № 35.

10. В соответствии с пунктом 4 статьи 7 Факультативного протокола государство-участник надлежащим образом рассматривает мнения Комитета вместе с его рекомендациями и представляет Комитету в течение шести месяцев письменный ответ, в том числе информацию о любых мерах, принятых с учетом этих мнений и рекомендаций. Государству-участнику также предлагается опубликовать информацию о мнениях и рекомендациях Комитета и обеспечить их широкое распространение, с тем чтобы ознакомить с ними все соответствующие слои общества.

Приложение

Совместное мнение (несогласное), подписанное Хироко Акидзуки, Гуннаром Бергбю, Марион Бетел, Лией Надарай, Аруной Деви Нараин, Банданой Раной и Вэньянь Сун

1. Мы сожалеем, что не можем согласиться с выводом, к которому пришло большинство членов Комитета, о том, что сообщение № 105/2016 является приемлемым.
2. Тот факт, что государство-участник не оспорило приемлемость, как это имеет место в данном случае, не освобождает Комитет от обязанности объявить сообщение неприемлемым, если соблюдено какое-либо из условий, предусмотренных в статье 4 Факультативного протокола.
3. Наш вывод не следует истолковывать как нежелание или неспособность признать важный вклад неправительственных организаций в дело защиты прав женщин в соответствии с Конвенцией в целом и, в частности, в дело подготовки сообщений в соответствии с Факультативным протоколом. Кроме того, уязвимость женщин объясняется положением статьи 2 Факультативного протокола и правилом 68 правил процедуры Комитета о возможности представления сообщений третьими сторонами или лицами, не являющимися жертвой, в соответствии с Конвенцией, что расходится с практикой, предусмотренной различными другими документами по правам человека. Мы также приняли во внимание общую рекомендацию № 33 Комитета, касающуюся доступа женщин к правосудию, в которой государствам-участникам рекомендуется обеспечить, чтобы правила о правовом статусе позволяли группам и организациям гражданского общества, заинтересованным в том или ином конкретном деле, подавать жалобы и участвовать в судебном разбирательстве (CEDAW/C/GC/33, пункт 16 с)).
4. Вместе с тем мы считаем, что представление сообщения третьей стороной должно оставаться исключением из общего правила, предусмотренного в статье 2 Факультативного протокола, т.е. что сообщение должно представляться самой жертвой. Сообщение без согласия жертвы может быть представлено только в исключительных случаях, и поэтому Комитет должен проявлять осмотрительность, позволяя третьей стороне представлять сообщение от имени жертвы только в исключительных и оправданных обстоятельствах. Мы рекомендуем, в частности, проявлять осторожность, разрешая представлять под видом сообщения от имени жертвы в соответствии с Факультативным протоколом *actio popularis*.
5. В данном случае сообщение предположительно было составлено неправительственной организацией «Промо-лекс» («автор») от имени В.С., скончавшегося лица («жертва»). У жертвы после ее смерти не осталось никаких ближайших родственников или наследников, которые могли бы представить сообщение от ее имени в соответствии со статьей 4 Факультативного протокола или уполномочить автора действовать от имени жертвы.
6. Автор не имеет ни *locus standi*, ни юридических полномочий действовать от имени жертвы. У автора нет достаточного интереса в том, чтобы оправдать возбуждение иска от имени жертвы без ее согласия. Автор не получила указаний действовать от имени жертвы до ее смерти. В деле о разводе жертву представлял один из адвокатов, работавший с автором, а не сама автор. Вполне вероятно, что вопрос о гендерном насилии возник в деле о разводе, однако доказательств этого нет.

7. Исполнительница завещания также не имеет полномочий действовать от имени жертвы в этом отношении или предоставить автору полномочия на представление сообщения от имени жертвы. Мы не можем предположить, согласилась бы на представление этого сообщения жертва.

8. Мы также рассмотрели постановление Европейского суда по правам человека по делу *Центр правовых ресурсов от имени Валентина Кэмпяну против Румынии* (заявление № 47848/08), в котором содержатся интересные замечания в отношении правового статуса. Помимо различных положений о правовом статусе, содержащихся в статье 25 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, то дело можно отличить от настоящего сообщения, поскольку дело касалось жертвы с психическими отклонениями, в связи с чем возникли особые вопросы в отношении ее дееспособности. В данном же случае речь идет о женщине-инвалиде, однако никакой информации о том, носила ли эта инвалидность физический или психический характер, а также о том, была ли дееспособность жертвы поставлена под вопрос, не имеется. Что еще более важно, в деле г-на Кэмпяну Европейский суд подчеркнул, что правовой статус Центра правовых ресурсов, действующего от имени жертвы, в ходе внутреннего разбирательства не оспаривался. Таким образом, в данном случае исключительные особенности, на которые ссылается Европейский суд для обоснования правового статуса, отсутствуют.

9. В ряде решений о приемлемости Комитет по правам человека установил, что сообщение, представленное третьей стороной от имени предполагаемой жертвы, может рассматриваться только в том случае, если автор обосновывает свои полномочия на представление такого сообщения.

10. Мы приходим к выводу о том, что в данном случае автор не имела достаточного интереса в том, чтобы оправдать возбуждение иска от имени жертвы без ее согласия, для целей статьи 2 Факультативного протокола.

11. Кроме того, данное сообщение является неприемлемым в соответствии с пунктом 1 статьи 4 Факультативного протокола, поскольку ни в период жизни жертвы, ни после ее смерти не были исчерпаны все доступные внутренние средства правовой защиты. Таким образом, государству-участнику не была предоставлена возможность рассмотреть настоящие обвинения в семейных судах и принять ответные меры, а также не было установлено, что такой порядок действий не гарантировал бы эффективной защиты.

12. Наконец, мы считаем сообщение неприемлемым в соответствии с пунктом 2 d) статьи 4 Факультативного протокола, поскольку оно представляет собой злоупотребление процедурой представления сообщения. Жертва не выразила никакого желания быть автором сообщения, равно как и нет никакого эффективного индивидуального средства правовой защиты, которое было бы рекомендовано Комитетом в ее отношении. Мы считаем, что государство-участник не уйдет от ответственности за какое бы то ни было нарушение Конвенции с его стороны, поскольку общие рекомендации, которые выносятся большинством членов Комитета в соответствии с пунктом 9 b), могут быть сделаны в заключительных замечаниях (см., например, [CEDAW/C/MDA/CO/6](#), пункт 23) после проведения с государством-участником конструктивного диалога в соответствии со статьями 2 и 5 Конвенции, а их выполнение можно было бы контролировать посредством активного использования механизма последующих действий. В качестве альтернативы автор могла бы действовать в соответствии со статьей 8 Факультативного протокола, утверждая, что смерть жертвы и других жертв при аналогичных обстоятельствах представляет собой серьезное или систематическое нарушение прав женщин в государстве-участнике.

13. Поскольку автор, не будучи жертвой ни в прямом, ни в косвенном смысле слова, не смогла обосновать, что имеет право или возможность действовать от имени жертвы без ее согласия, сообщение равносильно злоупотреблению процедурой представления сообщения и является неприемлемым.

14. В связи с этим мы хотели бы сделать вывод о том, что сообщение является неприемлемым по всем вышеперечисленным причинам.
